

ОТЗЫВ

официального оппонента, кандидата исторических наук Фокина Александра Александровича
на диссертацию Перовой Марины Андреевны
«Детская повседневность советской России 1920-х гг. (на материалах Курганского и Шадринского округов)»,
представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности – 07.00.02 – Отечественная история.

Антропологический поворот стал одним из самых влиятельных явлений в гуманитарных исследованиях последнего времени. Смещение фокуса изучения от больших структур к жизни людей различных эпох позволяет не только по-новому осмыслить события прошлого, но и получить ответы на злободневные вопросы. Поэтому диссертация М. А. Перовой оказывается вдвойне интересной, ибо она ставит своей целью осмыслить два важных феномена: повседневную жизнь в первые годы советской власти и советское детство.

Представленная диссертация имеет традиционную структуру: введение, три главы, заключение, список источников и литературы. Введение диссертации имеет все необходимые элементы, такие как: актуальность, степень изученности проблемы, объект и предмет исследования, цель и задачи, обоснование хронологических рамок, источниковая база, методологический раздел, положения, выносимые на защиту, научная новизна, практическая значимость, апробация работы. Все эти элементы удовлетворяют критериям диссертационной работы.

В первой главе диссертации М. А. Перова обращает внимание на политику советского руководства в сфере семейных отношений. Диссертантка справедливо отмечает, что в первое десятилетие советской власти не было единого взгляда на то, как должна быть устроена социалистическая семья, и поэтому происходила постоянная корректировка курса и борьба различных концепций, что отражалось в принятии различных законодательных и нормативных документов. Важным новшеством советской власти стало

стремление перевести семейные отношения из частного пространства в пространство публичное, поскольку воспитание детей являлось уже не личным делом отдельных семей, а затрагивало интересы всего общества.

Отдельный параграф Марина Андреевна посвящает анализу законодательной базы в сфере общественного призрения. Это связано с тем, что беспризорность в период Гражданской войны и НЭПа была серьезной проблемой и государство стремилось решить ее в условиях ограниченных ресурсов. Важно отметить, что беспризорные дети были лишены семьи и, следовательно, оказывались более удобным материалом для педагогических экспериментов. Беспризорники оказывались почти в полной власти государственных структур, которые в духе марксизма и педологии старались сформировать среду для трансформации их в новых советских людей. Ключевая роль в этом процессе отводилась труду.

Далее в диссертации анализируется нормативная база изменений системы советского образования. Советская школа, как и многие другие институты, в 1920-е годы пережила период экспериментов, который закончился установлением единообразия уже в сталинский период. Пользуясь терминологией Владимира Паперного, можно сказать, что на смену Школе Один пришла Школа Два. Если вначале учителя должны были искать индивидуальный подход к ученикам, то потом центральной идеей стала общая успеваемость, то есть во главу угла была поставлена централизация.

Во второй главе М. А. Перова переходит к анализу ситуации в Курганском и Шадринском округах. В пространстве детской повседневности диссертантка выделяет три большие сферы: семейное пространство, пространство учреждений призрения и образовательное пространство. Весьма интересной кажется идея о выделении пяти типов семейного пространства (с. 104): 1) традиционная полная семья, 2) полная коммунистическая семья, 3) полная семья, внутри которой есть противостояние ценностей, 4) неполная семья, 5) семья без родителей. Основным критерием разделения предлагается баланс традиционных и «новых», коммунистических ценностей. Несмотря на

все трансформации, семья как институт продолжала воспроизводить традиционные модели отношений. Практика детских домов и различных детских коммун показала, что семья является важнейшим механизмом социализации и даже жизнь в коллективистских условиях не всегда способна подготовить человека к взрослой, самостоятельной жизни. Поэтому к началу 1930-х годов происходит отказ от идеи разрушения привычной семьи и замены семейных функций обобществлённым бытом. Так и школа не стала тем институтом, который смог бы заменить собой семью, хотя советская школа изначально создавалась как инструмент формирования определенной модели субъективности советских детей. По мере укрепления советской системы менялось и пространство школьной повседневности.

Третья глава диссертации посвящена изучению практик детской повседневности, которые распределяются на два больших блока: пионерская организация и деятельное детство. Марина Андреевна рассматривает пионерскую организацию как важный элемент детской повседневности, который был призван максимально охватить жизнь советского ребенка и сформировать его жизненный уклад. Пионерия не должна была отпускать ребенка ни на минуту, и, по сути, именно в рамках советского детства раньше других складывается «тоталитарная» модель отношения человека и государства. При этом анализ деятельного детства показывает, что стремление к контролю зачастую вступало в противоречие со взглядом детей на свое детство. Например, несмотря на ограничение чтения художественной литературы, многие дети продолжали стремиться к тому, чтобы читать ее больше. Таким образом советского ребенка можно рассматривать не только как объект, но и как субъект советской повседневности.

Несмотря на интересный фактический материал и ряд важных наблюдений следует отметить и проблемные моменты представленной диссертации:

1. Хотя понятие детства является центральным в работе, М. А. Перова не проблематизирует его. Читатель диссертации не узнает, что

диссертантка подразумевает под понятием «детство» и что под детством подразумевали в исследуемый период. В какой период начинается и заканчивается детство? Как воспринимается ребенок и через какие стадии он проходит? Известная работа Филиппа Арьеса, которая упоминается во введении, как раз посвящена анализу понимания концепции детства. К сожалению, в диссертации понятие детства подается как само собой разумеющееся.

2. Можно предположить, что не внимание к концептуализации проистекает из слабой рефлексии над методологической частью работы. В соответствующем разделе старательно воспроизводится шаблонный набор сносок на знаковые работы по истории повседневности, но при этом не указывается, что именно из наработок этих авторов будет использовано в диссертации. За пределами введения ссылок на работы по истории повседневности нет. Нет ссылок и на работу Маргарет Мид, и не очень ясно, что из опыта изучения племен на Самоа и Новой Гвинее используется при анализе Курганского и Шадринского районов. Несмотря на то, что антропология детства - достаточно богатая область знания, в работе она отсутствует полностью. Упоминания Мид и Людтке выглядят как ритуальные ссылки без стремления осмыслить эти работы.
3. Есть в разделе методологии и откровенно странные вещи: «Для работы с документами разных видов и их репрезентативного анализа в диссертации используется источниковедческий метод» (с. 17). За годы развития источниковедения, как отдельной исторической дисциплины, были выработаны различные методы анализа источников - от качественных до количественных. Но вместо того чтобы выбрать какой-то из них, Марина Андреевна придумывает некий универсальный источниковедческий метод.
4. Используемые источники тоже вызывают вопросы. В работе представлены материалы трех региональных архивов Курганской области. Но не ясно, почему в диссертации не были использованы

архивы соседних областей, особенно учитывая, что в разные периоды изучаемые территории подчинялись разным центрам, и, следовательно, в архивах Челябинской и Свердловской областей могли отложиться свои комплексы документов. Крайне скудно в диссертации используются эго-документы и совсем не представлены визуальные источники, а они могли бы дать возможность лучше понять многие аспекты повседневной жизни детей.

5. Историографический раздел, как и список использованной литературы, содержит работы, связанные с тематикой детства, но практически полностью отсутствуют работы про повседневность в целом. Например, не нашлось места монографии Игоря Нарского «Жизнь в катастрофе», которая стала одной из первых работ по истории повседневности уральского региона 1920-х годов. За последние несколько лет вышло множество работ по истории повседневности периода НЭПа, но в работе они не представлены. Хотя очевидно, что советское детство не существовало в вакууме, а было продуктом состояния общества.
6. Отсутствуют работы и по истории советской субъективности (М. Фуко, С. Коткин, Й. Хелльбек, И. Халфин, А. Пинский и т.д.), хотя именно категория субъективности является важной частью положений, выносимых на защиту.
7. Диссертантка подробно разбирает документы, изданные на высшем уровне, но отсутствует анализ нормативных документов региональных органов власти. Какие постановления принимали представители партии и государства на местах?
8. При чтении диссертации создается впечатление, что работа шла от источников, а не от проблемы. Если в архиве нашелся комплекс документов по организации домов призрения или фонд пионерской организации, то этому вопросу можно посвятить параграф, а если про какие-то вещи, вроде досуга, документов мало, то можно описать данный вопрос очень бегло. Хотя очевидно, что в системе призрения

детей было гораздо меньше, чем детей, которые каждый день играли в игры.

9. Практически полностью отсутствует анализ девиантного поведения детей. Не описываются преступления, которые совершали дети, употребление алкоголя и табака, половое поведение детей и т.д. В условиях разрушения укладов и норм дети теряли контроль и могли предаваться множеству пороков.
10. В диссертации не делается попытки выделить различные типы детства, детство преподносится как монолитная и гомогенная конструкция. После прочтения работы может сложиться впечатление, что детство мальчиков и девочек, жителей городов и деревень, христиан и мусульман, бедных и зажиточных семей в начале 1920-х и в начале 1930-х годов было примерно одинаковым. При этом работы по истории повседневности учат нас, что надо отходить от универсалистских схем и искать вариативность.

Высказанные замечания могли бы играть роль при рецензировании заявки на грант или статьи в журнале, но поскольку при оценивании диссертации следует прежде всего обращать внимание на квалификационные элементы, то следует отметить, что представленная работа удовлетворяет требованиям кандидатской диссертации. Марина Андреевна Перова продемонстрировала сформированность компетенций при работе с источниками и литературой, показала, что она умеет самостоятельно анализировать информацию и делать аргументированные выводы.

Представленное диссертационное исследование является самостоятельной, законченной научно-квалификационной работой, которая представляет собой исследование актуальной проблемы, характеризуется научной новизной, теоретической и практической значимостью, отвечает требованиям пунктов 9-14 "Положения о присуждении ученых степеней «от 24 сентября 2013 г.» №842 (с изменениями от 21 апреля 2016 г. №335) (с последними изменениями, внесенными постановлением Правительства

Российской Федерации от 01 октября 2018 г. № 1168). Считаю, что автор достоин присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история.

Кандидат исторических наук (07.00.02 – Отечественная история),
доцент кафедры отечественной истории
Тюменского государственного университета

А.А. Фокин

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Тюменский государственный университет» (ФГАОУ ВО «ТюмГУ»). 625003, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6. Тел.: 8 (3452) 59-74-29; Сайт: <https://www.utmn.ru/>. E-mail: ceo@utmn.ru

15 мая 2021 г.

